

В 1742 году Бах написал «Гольдберг-вариации» по заказу русского посла при короле польском за 40 лудидоров в качестве снотворного для придворного музыканта Гольдберга, страдающего бессонницей...

Бах создает **конструкцию** невиданного масштаба, которую использует лишь один раз.

Гленн Херберт Гульд

Музыка обворожительно прекрасная вещь. И заниматься ею — наслаждение. Но нет профессии хуже, чем «концертмейстер»! Это я понял давно, еще во время учебы в консерватории, когда стал всерьез учиться ремеслу пианиста-аккомпаниатора. И когда понял, решил: все что угодно, но только не это, только не концертмейстер! Жизнь решила иначе. У нас правильно говорят: «не зарекайся — ни от сумы, ни от тюрьмы», но почему-то забывают добавить — «и от концертмейстерских обязанностей»!

Так получилось, что организаторы музыкального образования решили, что концертмейстерскому делу пианиста нужно обязательно учить — и очень долго. Уже в музыкальной школе начинается эта канитель. Хотя педагоги не знают, что им делать-то на уроках по «концклассу». Но «учат», «часики пишут», журнал заполняют, денежки получают, выдумывают приемы, правила, педагогические принципы. А всего делов-то: солист мелодию играет, ты, концертмейстер — аккомпанемент. Значит, он главный. Играй тише, не заглушай. Не себя слушай, не солиста, а музыку. И чему же тут учить собственно? Практика, конечно, нужна, но учить?

Но когда-то нашелся «умник», проявил административную активность и всех заморочил, уговорил заниматься ерундой, соблазнил деньгами, карьерой. И тратят люди жизнь неизвестно на что. И к этой ерунде, т. е. — к педагогике концертмейстерской, привыкают. И создается традиция. И сделать уже ничего нельзя! В результате, великой мудрости — «играй тише, чем солист» — учат год в музыкальной школе, три года в музыкальном училище,

четыре года в консерватории. Нелепость — всего четыре слова и целых восемь лет учебы.

Говорят, оправдываясь, — «концертмейстерская работа специфична, требует специальной подготовки». О том, как все происходит на самом деле — подготовка и собственно концертмейстерская работа, — я узнал на своем опыте, о чем попытался рассказать в «записках», которые помимо моей воли стали страничками романа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Suggestion diabolique¹

«К онцертмейстер» — самая востребованная из всех музыкальных специальностей. Без пианиста-аккомпаниатора музыкальное искусство существовать не может. Все поющие, играющие артисты нуждаются в аккомпаниаторе. Ведь они только мелодию играть способны, а мелодии поддержка нужна, аккомпанемент — как фундамент зданию, как постамент скульптуре. Поэтому без концертмейстера солисты не могут. Без него им только в «яму оркестровую» садись, что в театре — удел завидный?

А еще концертмейстер для подготовки оперных спектаклей нужен и для учебы, и в хореографии, и в театре, даже спортсменам-гимнастам он необходим. Востребованная, однако, специальность, а потому и оплачиваема лично.

Впрочем, в моем «грехопадении» в концертмейстеры решающим фактором стали не деньги, хотя ими тоже поманили. Со мною все было иначе, похитрее: тут точно не обошлось без того, имя которого я называть не буду, на всякий случай. И приключилось это во время учебы на втором курсе консерватории, когда прошел я до половины установленный срок овладения профессией (по мысли организаторов образования, освоив первые два названных выше слова из четырех!) и взошел на высшую ступень постижения «тайн концертмейстерского мастерства».

Была середина октября. Ночные заморозки, уничтожив остатки неубранного урожая, подвели черту под сельхозработами, и студентов вернули в аудитории — учиться. К чему мы и приступили, не торопясь.

Деканат вывесил расписание, обнаружив новый предмет — «концкласс». Концертмейстерскому искусству учат на индивидуальных занятиях, поэтому нужно было прийти к назначенному заведующим кафедрой педагогу и определиться со временем, программой и отчетностью.

¹ Наваждение, дословно — с фр. дьявольское внушение (прим. авт.).

Назначенный мне педагог носила фамилию Цукер, но ничего «сладкого» в ней не было — с виду. Была она — в годах, в старушечьих очках, в неухоженности совсем не артистической, не богемной.

Прихожу я к ней на первый урок. Сразу задачу ставит:

— Вы, — говорит, — уже концертмейстер дипломированный, училище закончили. Сейчас для Вас главное по предмету репертуар накопить.

Вот тут наваждение-то и началось.

— Можете на работу устроиться концертмейстером, — продолжает, улыбаясь хитренько, — на полставки. Это лучше всего будет: и репертуар накопите, и опыт бесценный приобретете, и зачет получите, и денежка появится небольшая, но ведь не лишняя же.

— Хорошо, а как занят буду? — отвечаю, осторожничая, здравомыслие проявляя.

— Да всего-то два раза в неделю по пять часов академических.

Это три часа сорок пять минут, быстро соображаю, обрадовавшись, но не настораживаюсь почему-то — чего это такая выгодная подработка не востребована? — а надо было, надо!.. А я — «согласен» — говорю.

Стали заявление писать тут же. Она диктует, я пишу. Потом пошли мы с нею к проректору заявление подписывать. Тут наваждение продолжилось, лик поменяв.

Вхожу впервые в начальственный кабинет. Сидит, улыбается проректор, а глаза у него большие, восточные, с поволокою.

— Что скажешь хорошего? — любезно вопрошает, вместо приветствия.

— Да вот, — отвечаю, — заявление принес, на работу устраиваюсь.

В растерянности стою перед столом начальника, думаю, начнет сомневаться, сердиться, а он, улыбаясь, заявление взял, глазами своими чуть косоглазенькими пробежался по листку сверху вниз. А заведующая вдруг сахарным голоском поясняет:

— Потребность возникла производственная. У духовиков на факультете одни юноши учатся, и нужно им концертмейстера соответствующего подобрать, а то ведь совместная игра с девушками чревата, — хи-хи.

— Пусть работает! — заключает начальник, и заявление подписывает тут же — «в приказ».

Итак, бумага подписана, сделка состоялась, а я и не понял поначалу — с кем ее заключил-то. И пошел работать, согласно расписанию по вторникам и пятницам.

Направили меня в класс к гобоистам.

Думал, что все будет, как обычно, как на индивидуальных занятиях «по специальности»: преподаватель с учеником работает — учит, показывает, а концертмейстер лишь подыгрывает, когда надо. Но плохо знал я специфику своей новой работы, — все было совсем не так.

Их, гобоистов, было пятеро. На урок они пришли почему-то все вместе и оставались все вместе до конца, пять часов — то есть. И начались у них разговоры: про качество «тростей» (это то, что они в рот суют, играя), про то, что кто-то о ком-то сказал что-то из того, что говорить, совсем уж не следовало... Все это «вываливалось» беспорядочно педагогу, ему в укор ставилось, а он — то отбивался, то встречными упреками подливал масло в огонь скандала.

Через пятнадцать минут я понял, что все происходящее не случайно, что коллективный треп не закончится в ближайшие часы. Захотелось убежать, укрыться где-то и не появляться больше в этом кошмаре.

Но — работа. Нужно сидеть.

Стал, пока они «кракают», разучивать свою партию из их репертуара.

Они на секунду остановились — с удивлением. Но скоро с новыми силами, добавив децибелы, стали выяснять отношения.

Все было пошло, глупо, неинтересно. Даже рассказать нечего.

Из скандального многоголосия понял, что разгорелся новый серьезный конфликт. Опять кто-то сказал кому-то, а тот передал еще кому-то, а последний обиделся и сказал в ответ такое, на что обиделись все! Попытка сосредоточиться на музыке, но не удавалось. Тогда «отключил мозги» и стал механически играть текст, не вслушиваясь, лишь для «тактильного удовольствия», чтобы пальцы привыкали.

Наконец, доиграл первое произведение — обработку квартета Моцарта, где партию первой скрипки должен

исполнять гобоист, а я — все остальное. Споры-разговоры у меня за спиной вдруг прекратились.

Решили попробовать заняться делом. Начали. Мы играем, а все слушают. Один, правда, вышел. Почти доиграли до конца первую часть. Но гобоист внезапно останавливается и... опять пошло:

— Вот слышите, трость похрюкивает, а я заплатил за нее Вам шесть рублей, — сказал солист, и спор разгорелся с новой силой и продолжился, обрастая новыми сюжетами...

Наконец, время моего обязательного присутствия в классе закончилось. С облегчением попрощался и покинул аудиторию. Они остались — ругаться.

Только тут, выдохнув и чуть придя в себя, начал наводить справки. Мой друг, теоретик Гена Печерских, из тех, кто постарше и поопытней, все разъяснил:

— Место концертмейстера в консерватории очень даже престижно. Многие студенты хотят его занять, чтобы закрепиться и после окончания учебы остаться работать на кафедре. Кроме того, есть перспектива дальнейшего роста. А вот тебе, друг, не повезло. У гобоистов в классе конфликт. Начальство хочет уволить педагога. В город приехал хороший гобоист из Москвы. Он играет в симфоническом оркестре. Но когда его заманивали к нам из столицы, обещали еще и работу в консерватории предоставить. Так вот, чтобы он не сбежал, нужно уволить нашего «старичка». Поэтому студентов науськали написать бумагу с жалобой, дескать, тот занимается плохо. Они написали. А что с них взять, — духовики. А ты, товарищ мой, попал в эту «хрень» по незнанию! Но не печалься. Пока ничего сделать нельзя. Напишешь заявление об уходе — трудно будет экзамены сдавать, могут исключить, чтобы твой пример другим наукой стал. Потерпи до конца полугодия, а там нашего ветерана уволят, придет новый гобоист, и все решится «к взаимному согласию» — на твое место претенденты сразу появятся.

Совет показался разумным. Твердо решил сбежать, не вступая в конфликты. Пока буду приходиться играть свою партию, не обращая внимания на их разговоры, накапливать репертуар. В конце концов, «для себя» занимаюсь только утром и вечером, когда есть свободные аудитории,

среди дня мне делать нечего, а поиграть на инструменте всегда полезно, своего-то нет, в общежитии живу.

На последующих уроках демонстративно, не обращая внимания на бесконечные разговоры гобоистов, учил текст, «добиваясь совершенства». Это мешало спорящим. Меня просили играть потише. Я играл тише, но все равно мешал, как они полагали. Через пару недель, духовики потеряли терпение. Старший из гобоистов, Михаил, намекнул, что я могу пока не посещать занятия:

— Подойдешь потом — ближе к экзамену. Тогда и отрепетируем ансамбль, тем более свои партии ты уже выучил, как мы заметили.

Мне оставалось лишь выразить сожаление и откланяться — с облегчением.

* * *

«...каждый должен знать, что прогульщикам и лодырям, летунам и бракоделам не будет никакой поправки и снисхождения и ничто не укроет их от гнева товарищей»
(Аплодисменты).

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на Всесоюзном съезде профсоюзов

Но не долгод был час моей свободы, ой недолог. Кто-то «настучал». Пришла комиссия «народного контроля» из профкома и на рабочем месте меня не обнаружила. Стали выяснять. Составили протокол. Активировали прогул. Впрочем, профкомовская проверка была не столь страшна. Они ведь свои люди, все понимают, и если нет жалоб на концертмейстера, то готовы закрыть глаза на прогул, а протокол оставить лишь для отчета о проделанной работе.

Но через час еще одна проверка пришла. На этот раз из «учебного отдела». А меня все нет. Как выяснилось, два названных «проверочных органа» конкурировали друг с другом на предмет того, кто лучше проверяет. И еще один протокол был составлен вдобавок к первому.

Правда, в «учебном отделе» тылы у меня были крепки — дружил с молоденькой методисткой. Обычно именно она проверяла присутствие преподавателей и концертмейстеров на работе. Но, накануне, произошло событие, которое еще раз заставило вспомнить о том, кто поучаствовал в моем трудоустройстве.

Маргарита, а так звали хорошенькую методистку, пользовалась успехом у преподавателей. В отличие от моего вполне бескорыстного к ней интереса, они пытались комплиментиками и «маленькими подарками к празднику» смягчить реакцию учебного отдела на свои нарушения — «а кто без греха?».

Неопытная Гретхен² принимала ухаживание с юмором, но это, когда дело касалось лишь «старых козлов». А были еще и молодые. Один из них — высокий, статный, артистичный и талантливый — смутил девицу, разбудил ее юное сердце. Впрочем, мой внимательный и чуть искривленный ревностью взгляд заметил настораживающие черточки в его, казалось, безукоризненном облике: подслеповатые глаза, козлиная борода, ранняя лысина. Но влюбленная Маргарита этих мелочей не замечала, и к моим опасениям отнеслась лишь — «с понимающей иронией». Их роман стал развиваться, но, как выяснилось, только в ее воображении. Наконец, девушка открыла любовнику свои надежды. А он жестоко посмеялся над девичьими упованиями: «С женой разводиться, не собираюсь, а наши отношения — лишь мимолетное приключение». Брошенная Маргарита ударилась в слезы. А потом, прослушав дома несколько раз арию Лизы («*Мои девичьи грезы...*»)³, стала действовать: пришла в институт и, дождавшись в фойе появления «коварного соблазнителя», в присутствии множества свидетелей, включая и жену, залепила ему пощечину и тут же отнесла в «отдел кадров» заготовленное заранее заявление об уходе.

Девичье горе было столь искренним и убедительным, что начальница «учебного отдела» отпустила Маргариту

² Здесь автор отсылает к «Фаусту» Гете, где Гретхен (она же Маргарита), возлюбленная Фауста, обладает всеми качествами любящей женской души (прим. ред.).

³ Чайковский П. И. Ария Лизы «У канавки» из оперы «Пиковая дама» (прим. авт.).

домой и пошла, на мою беду, проверять работу концертмейстеров сама. Остальное читателю уже известно, — я попался!

На следующий день меня вызвали в «учебный отдел». Марго все еще не было на месте — ей, из соображений женской солидарности, позволили переживать утрату дома. Вхожу, знакомлюсь с результатом проверки. Попросят написать объяснение.

Я взял бумагу и отправился на консультацию к моей обиженной на всех мужчин подруге, предварительно купив торт, вино и букет хризантем (хотя в выборе сорта цветов сомневался).

Звоню. Мне не открывают. Предупрежденный заведующей учебным отделом в том, что Маргарита «никого не желает видеть», продолжаю звонить — робко прерываясь, пытаюсь уже в самом характере звонка выразить и сожаление, и сострадание, и робкую надежду, и нижайшую просьбу.

Наконец дверь открылась. Марго стояла передо мной, замотанная в какие-то немислимые «тряпки» и смотрела куда-то вдаль стеклянными глазами кошки, только что вылизавшей содержание пузырька с валерьянкой.

— Я не нуждаюсь в твоих утешениях. Оставьте меня в покое, ненавижу вас всех, — ее крик перешел в рыдания, — все мужики сволочи!

— Риточка, прости, но мне нужна твоя помощь, а в утешениях нуждаюсь, скорее, я сам. Ты должна радоваться, что этот мерзавец отвалил. Он тебя недостоин. А вот я из-за всей этой истории безвинно пострадал. Помоги, умаляю, — произнося эту тираду, я опустился на одно колено, выставив хризантемы вперед.

Услышав мой вопль о помощи, Маргарита, вдруг переменилась, что заставило заподозрить в ней присутствие некоторых актерских способностей. Передо мною опять возникла деятельная сотрудница «учебного отдела». Она быстро переделась, привела в порядок прическу. Выяснив, что я действительно пострадал совершенно незаслуженно, вычеркнув меня из списка «всех мужиков-сволочей», быстро нашла единственно правильное решение:

— Завтра, на зло всем, выйду на работу, поймаю на нарушении несколько «блатных товарищей», составлю

жесткий протокол и обменяю его на твой. И сразу уволюсь, мне пообещали отдать трудовую книжку по первому требованию. Все образуется. Они еще не знают, с кем связались. Ничего никому не объясняй. Ничего не пиши. Лишнего по коридорам не рассказывай.

На следующий день я был вновь вызван в учебный отдел.

Вошел. Маргарита как никогда привлекательная в мини-юбочке и итальянских колготках, подаренных ей одним из наших педагогов-гастролеров, с победным видом сидела за рабочим столом. Соблюдая субординацию, я с покаянно опущенной головой подошел к столу заведующей.

Начальница строгим голосом сказала, что они, дабы не ломать мою дальнейшую судьбу, решили не давать делу дальнейшего хода. Но мое поведение, добавила она уже менее строго, должны обсудить в коллективе и, если коллектив верит в меня, то предоставит возможность исправиться.

— Вы должны обратиться к начальнику подразделения, заведующему кафедрой, — произнесла свой вердикт, начальница с улыбкой посмотрела на Маргариту, а та, тоже с улыбкой, одобряюще покачала головой.

Покидая учебный отдел, подумал, что дело мое благополучно завершилось, но...

* * *

The Devil Plays the Flute⁴

Заведующий кафедрой духовых инструментов был флейтистом. Как говорили — «хорошим», но, после четырехнедельного пребывания на факультете духовых инструментов, я уже в это не верил. Флейтист был однофамильцем одному из художников-передвижников. Но в его облике не было ровным счетом ничего артистического: маленького росточка, физиономия — «убежденного в своей правоте недоумка». Когда я вошел в кабинет, он сидел за столом и обсуждал какие-то вопросы со своим заместителем. Фамилия заместителя, Гузий, а также его репутация въедливого

⁴ Дьявол играет на флейте — *англ. (прим. авт.)*.

формалиста, бескомпромиссного борца за соответствующее консерваторским требованиям качество исполнения музыки и трудовую дисциплину, ничего хорошего мне не обещали.

Я тихонечко поздоровался и скромно остался стоять у двери. Начальство, казалось, не замечая меня, продолжало вести беседу о соответствии программ студентов кафедры возросшему уровню вузовских требований. Наконец, вопрос был всесторонне обсужден, и заведующий обратил взор в мою сторону:

— А, это Вы, подойдите поближе, — флейтист опять повернулся к Гузию, — вот Александр Николаевич, наш герой явился, наконец.

Гузий понимающе улыбаясь, покачал головой. Я подошел к столу, за которым располагались начальники.

— Мы уже обсудили Ваш вопрос и приняли решение, которое согласовали с начальником «учебного отдела».

Дабы придать большую убедительность своим словам, флейтист встал, предварительно заставив меня сесть на рядом стоящий стул. Говорил он не быстро и почему-то таращил глаза, излагал мысли слишком подробно и так занудно, что после первых минут его речи, хотелось одного — напиться. Впрочем, ничего плохого он не сказал. Я понял, что пока идет разбирательство в «классе гобоя», меня загрузят работой у других преподавателей, ибо погода испортилась, пошли дожди, концертмейстеры стали болеть и прочее...

— Вот, в частности, у Александра Николаевича девушка-концертмейстер болеет, — флейтист указал на Гузия, который подтвердил его слова, кивнув головой.

— Заведующая учебной частью, — продолжил однофамилец передвизника, — почему-то симпатизирующая Вам, настояла на том, чтобы Вы продолжали работать в установленное время по вторникам и пятницам, а мы, в свою очередь, должны подстраиваться под Ваш график, — заведующий кафедрой и Гузий обменялись ироничными улыбками.

— Так что во вторник аккуратно в положенное время Вы должны явиться на урок к Александру Николаевичу. Сегодня можете быть свободным. Вот ноты, рекомендую тщательно подготовиться.

Закончив речь, заведующий опять сел за стол и продолжил разговор с заместителем. Я вежливо поблагодарил

и попрощался, но на меня никто уже не обращал ровным счетом никакого внимания.

* * *

First Clown [Sings]:

— A pick-axe, and a spade, a spade,
For and a shrouding sheet:
O, a pit of clay for to be made
For such a guest is meet.
(Throws up another skull.)

William Shakespeare «Hamlet»⁵

В назначенный день я пришел в класс Гузия.

По специальности он был трубачом, но у него учились и представители других инструментов из медной группы.

Предстояло играть концерт для скрипки с оркестром Мендельсона, который был переложен кем-то для тубы, самого большого инструмента «медной группы». Сольную партию концерта подготовил студент по фамилии Гутман, женатый на моей однокурснице, носящей фамилию Маркович.

Гутман сначала учился на теоретическом факультете, но учеба шла с большим трудом, на экзаменах его «заваливали». Отчаявшись, он заподозрил в качестве причины своих неудач латентный антисемитизм экзаменаторов. Выход был найден: Гутман, для конспирации, взял фамилию жены. После этого поступка уже никто больше не сомневался, что курс истории и теории музыки освоить ему не под силу, и новоиспеченного Марковича перевели на духовое отделение играть на тубе, в чем он преуспел.

Признаюсь, на урок я шел не без любопытства, но концерт Мендельсона «для тубы с оркестром» сыграть так и не пришлось — в классе не было никого. Вещь удивительная, поскольку о педантизме Гузия ходили легенды. А тут — нет на рабочем месте. Решил ждать, «отсидживать» положенное время, играя Мендельсона, тем более ноты концерта я так и не посмотрел — некогда было.

⁵ Первый могильщик (поет): «Лопата и кирка, кирка, / И саван бел, как снег; / Довольно яма глубока, / Чтоб гостю был ночлег». / (Выбрасывает еще череп.) Вильям Шекспир «Гамлет» (*прим. авт.*).

Александр Николаевич появился минут через сорок. Всегдашняя улыбка покинула физиономию Гузия, столь сильно изменив ее, что я его сразу и не узнал.

— Сегодня урока не будет, — с порога, не ответив на мое приветствие, сказал Гузий тихим и печальным голосом, — в консерватории случилась трагедия. Вчера профессор Соколов скоропостижно скончался — умер на остановке трамвая, когда направлялся на работу, — произнеся эти слова, Гузий предложил последовать за ним в кабинет профсоюзной организации.

Подумал было, что канитель с моей «трудовой дисциплиной» продолжается, и профком взял инициативу расследования в свои руки, но ошибся. Гузий открыл кабинет своим ключом, пропустив меня вперед, предложил присесть, а сам сел напротив, и, приняв привычную начальственную позу, чуть отошел, повеселев:

— Ректорат, партком и профсоюзная организация консерватории назначили меня ответственным за проведение траурной церемонии. Вы, согласно приказу, поступаете в мое распоряжение. Сегодня я отпускаю Вас с работы, — Гузий глянул на часы, — на два часа пятьдесят три минуты раньше положенного времени, но завтра Вы будете задействованы в организационных мероприятиях.

— Готов выполнять все Ваши поручения, — отвечаю.

— Вот и прекрасно, — заместитель флейтиста первый раз улыбнулся с момента начала беседы, — завтра явитесь к восьми часам в мой кабинет. Мы организуем группу студентов, а Вы поедете с ними на кладбище для оказания помощи в подготовке захоронения. Оденьтесь соответствующим образом, возможно, предстоят земляные работы, — Гузий второй улыбкой обозначил конец разговора.

Нужно признать, что Александр Николаевич очень толково повел работу по организации похорон. Все было запротоколировано, расписано, каждый участник знал свой «маневр», контроль и подстраховка были организованы замечательно. На следующий день ровно в восемь я был в установленном месте. Группа студентов-духовиков из пяти человек уже ждала. Ребята были подходящими — здоровяки, «гренадеры», все после службы в армии. Александр Николаевич представил меня в качестве руководителя, чему они почему-то обрадовались. Мне же он дал соответствующую

бумагу к директору кладбища и велел не терять время и отправиться к месту назначения. Напоследок Гузий поднял трубку телефона и позвонил директору, сообщив о том, что наша группа выходит и через час будет на месте.

Действительно, все именно так и произошло — не слишком торопясь через час мы добрались до цели.

Директор кладбища, человек молодой, доброжелательный и улыбочивый, напоминал комсомольского работника. Как он отметил, шутя, «в моем учреждении я самый молодой, за исключением некоторых покойников». Директор пригласил нас всех в кабинет, критически осмотрел и, кажется, остался доволен:

— Вопрос с вашим профессором решен положительно. Будет лежать рядом с достойными людьми в тихом месте, недалеко. Но это внеплановое индивидуальное захоронение. У нас трудно с рабочими-копачами. Много похорон — осень. Нужно помочь. Подойдите к бригадиру, он в курсе проблемы, — директор закончил официальную часть разговора, и уже полусхвату добавил, — Только не перепутайте его фамилию. Он очень обидчив. Его зовут Гузий.

— Александр Николаевич? — опередив всех, попытался было уточнить.

— Нет, Юрий Степанович. Но по имени отчеству его тут никто не знает. Запомните, пожалуйста, — Гузий.

«Духовенство» дружно отозвалось, «гаркнув»: «Этого не забудем никогда!»

Мы с веселыми лицами, не соответствующими ни месту, ни действию, пошли на розыск Гузиев, спрашивая о нем каждого встречного-поперечного.

Скоро он нашелся. «Кладбищенский Гузий» находился на одной из темных аллей и наставлял группу рабочих с лопатами — «копачей», как можно было догадаться. Это был кудрявый светловолосый мужчина лет сорока, — приземистый, длиннорукий с физиономией совсем непохожей на нашего Александра Николаевича.

«Не наш Гузий» давал задание копачам, жестами раскрашивая свою сбивчивую примитивную речь. Словно дирижер симфонического оркестра, он размахивал не по росту длинными руками, повторяя все время слово «понятно». Но скучающие физиономии копачей в ответ не выражали ничего, кроме похмельного утомления. Нако-

нец, они ушли выполнять поручение начальника, и он обратил внимание на нас.

Я как главный подошел и вежливо представился. Затем коротко изложил суть дела, дескать, душа нашего профессора Соколова сейчас возносится в Небо, а вот тело ждет завтрашней встречи с землей городского кладбища. Мы же направлены администрацией консерватории к Вам, дабы оказать посильную помощь в подготовке могилы к завтрашнему торжественному захоронению.

Нужно признать, что моя речь была выслушана с интересом. Гузий проникся уважением. И в ответ стал говорить вежливо, медленно, с должной артикуляцией и без излишней жестикуляции:

— Хорошо, что пришли, ребята, а то ведь людей не хватает. А вот инструмент имеется в достаточном количестве, — понятно?

Ребята подтвердили, что понятно, и выразили готовность приступить к земляным работам. Гузий повел нас в сарайчик, где хранился инвентарь.

Инструменты выдавали «под роспись». Тут случился первый казус из тех, которых я боялся, зная скандальный нрав духовиков.

Совершенно неожиданно один из нас шестерых вдруг взъерепенился и наотрез отказался брать лопату. Звали его Вася Теркин. Что-то из этих двух имен было у него наследственным, а что-то приобретенным, но соединение их произошло так давно, что уже никто не помнил, что именно было наследственным. Он был белобрыс, худощав, учился на «духовом отделении», но по специальности был «ударник» — бил в барабаны.

Вася Теркин стал в позу обиженного вознаграждением солиста филармонии и, обращаясь к «не нашему Гузию», произнес гневную речь:

— Я учусь на пятом курсе консерватории и мне нужно готовить программу к государственному экзамену. А ваши лопаты могут повредить мой аппарат, — Вася выставил перед собой распахнутые кисти рук, демонстрируя тот самый аппарат, который он должен был беречь для игры на барабане. Перенесенный в детстве фурункулез яркой краснотой обнаружил себя на его щеках.

— Государство, не для того деньги платит за мою учебу, чтобы я аппарат на кладбище портил земляными работами! — закончил Вася на фортиссимо⁶.

Только тут я заметил, что он был одет лучше всех остальных. «Надо же, всех обдурил дятел худосочный!» — с досадой подумал, но было уже поздно.

Ребятам его речь в целом понравилась, но как юмористическая. «Духовенство», нарушив кладбищенскую тишину, громко «заржало», не сочувствуя Васиному горю. А вот Гузий опять потерял дар членораздельной речи. Он, соревнуясь с Теркиным в покраснении лица, замахал руками и стал объяснять свое понимание проблемы.

Эмоции явно вредили — начальник копачей «захлебывался» от гнева. Впрочем, можно было расслышать, кроме традиционного «понятно», слова, обозначающие половые органы и их действия. Причем действия названных органов он направлял и в сторону Васиной родни, и в сторону программы государственного экзамена. Самого Василия Теркина он посылал в направлении, соответствующем возникшей эротической ситуации.

Вняв директиве местного начальства, Вася, резко прекратил разговор и, не скрывая обиду, пошел к выходу с кладбища... Нас осталось пятеро.

Вооружившись лопатами и киркой, группа двинулась к месту предполагаемого захоронения. Начальник копачей уверенно довел нас до цели. Место оказалось действительно хорошим — под старым деревом, в отдалении от могильных оградок.

Взяв у меня лопату, «не наш Гузий» наметил очертание будущей ямы.

Стали копать, поочередно меняя друг друга. Ребята-духовики были опытными — армия не прошла даром. Гузий их одобрил, а моя работа ему явно не понравилась:

— Так лопату старухи держат, когда огород копают, — понятно? Надо стоять прямо, массой давить, — понятно? И жопу не отставляй, не оставляй жопу, говорю, не баба ведь, — понятно?!

— Спасибо, — отвечаю, — сегодня я много нового почерпнул для себя.

⁶ Очень громко — итал. (*прим. ред.*).

Мои слова опять вернули Гузия в хорошее состояние духа:

— Копайте, ребята, яму поглубже, — он оценивающе измерил меня взглядом и заключил, — чтобы глубина была его роста. Если наткнетесь вдруг на гроб или кости увидите — не трогайте, меня дождитесь. Я скоро приду, — понятно? — Пожелав нам успеха, Гузий удалился.

Духовики работали лихо. Я, памятуя о возможной встрече с гробом или костями, копал осторожно, погружая лопату в землю лишь «на полштыка».

Вскоре яма была подготовлена. Ребята, вспомнив рекомендацию Гузия, «случайно» подтолкнули меня в яму и проверили глубину подготовленной могилы.

— Порядок, тебя не видно, — подвел итог трубач-Толик, похохатывая.

Я попытался выбраться, но не смог. Ребята помогли. Тут подошел Гузий и высоко оценил результаты нашего труда. Самого крепкого из нас трубача-Толика отвел в сторону и предложил, в случае денежных затруднений, подработку в его бригаде копачей. Толик заинтересовано поблагодарил. Затем Гузий попрощался, пожав руку каждому. Мне как старшему дал установку на завтрашний день:

— Обойдемся без вас. Закапывать придут ребята-профессионалы, — понятно? Но им нужно принести две бутылки водки и восемь пирожков: четыре с ливером на закуску, и четыре сладких поминальных. Так принято, — понятно?

Мы сдали инвентарь. Ребята поехали по своим делам, а я — на отчет к «нашему Гузию», к Александру Николаевичу.

А в консерватории, как обычно, «стояла суета».

Справляюсь в диспетчерской: «Где Гузий?». Говорят: «Сидит в профкоме и занимается организацией похорон». Поднимаюсь и, предварительно постучав, вхожу в небольшой кабинет профсоюзной организации.

Заместитель флейтиста восседает за столом и что-то пишет. Увидев меня, поднимает глаза над очками, узнает: «Присаживайтесь, — говорит, — Отчитайтесь».

Подмечаю про себя: «А «наш-то Гузий», в отличие от кладбищенского, немногословен, но столь же деловит».

Стараясь, «соответствовать уровню» собеседника, докладываю, благоразумно упуская самые интересные подробности, утаив, в том числе, «историю Теркина». Завершив повествование, вспоминаю про водку и пирожки: «Что будем делать?».

Александр Николаевич слушал меня доброжелательно, как студента, толково отвечающего на экзамене.

— Я рад, что мы в Вас не ошиблись, доверив столь ответственное дело, — начал он, улыбаясь, — что касается угощения сотрудникам кладбища, то практическую часть решения этого вопроса поручаю Вам. Вижу, что Вам удалось наладить доверительные отношения с коллективом. Сделайте все, о чем Вас просили. А с деньгами мы вопрос решим, ибо профсоюз выделил средства.

«Наш Гузий» встал, открыл сейф, достал какие-то бумаги и профсоюзные деньги, которые хранились почему-то в целлофановом пакетике: бумажки и мелочь. Александр Николаевич, укоризненно покачивая головой, аккуратно сложил в стопочку бумажные деньги (их оказалось немного), затем в тетрадке — «в столбик» — подсчитал предполагаемые расходы и выдал мне под роспись восемь рублей: зелененькие пятерку и троячок.

— Этого должно хватить. Отнесите к делу ответственно, ибо всякая мелочь может непоправимо испортить завтрашнее мероприятие, — Александр Николаевич по-прежнему улыбаясь, указал мне на дверь жестом «вождя мирового пролетариата».

* * *

Mephistopheles:

— Es Für immer umgekommen!

Stimme von oben:

— Gerettet!

Johann Wolfgang von Goethe

«Faust»⁷

Покинув помещение профкома, без энтузиазма приступил к выполнению поручения. Хотелось отдохнуть, работа на холодном воздухе утомила, руки устали, ноги дрожали,

⁷ Мефистофель: — Она / Навек погибла! / Голос свыше: — Спасена! / Вольфганг Иоганн фон Гете «Фауст».

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru